

Пролог

Выпускной

Среди всех людей есть лишь один человек, который идеально сфотографирует тебя и двоих твоих лучших друзей в тот самый день выпуска из Амхерстского колледжа в штате Массачусетс, и это твоя мама. Как известно, мамы паршиво справляются с камерами и просто ненавидят, когда их просят фотографировать, но, используя свою особую материнскую магию, прежде чем взрослая жизнь навсегда тебя поглотит, мама изо всех сил старается тебе угодить и запечатлеть знаменательный момент. Удивительно то, что этот снимок совсем не похож на все остальные, которые так любят родители, — где ты шагаешь к сцене и позируешь в выпускном платье. На этом снимке вас трое — молодые девушки, вся жизнь впереди, вечерние платья колышутся от мягкого бриза Новой Англии, а амхерстские дубы стремятся прямо к солнцу, пока вы гордо держите свои фальшивые дипломы прямо над головами — это обязательное явление на всех выпускных. И никто другой. Не твои родители, не подруга Констанция со своими сестренками в милых сарафанах. Не выдача диплома, не рукопожатие с ректором и даже не заключительный момент, когда все

подбрасывают свои идиотские шапки вверх, словно квадратные вращающиеся летающие тарелки.

Это что-то одновременно значимое и неважное. А этот снимок в профиль, на котором вы сидите на складных стульях, щурясь от солнца и немного приподняв головы, чтобы лучше слышать торжественные речи! Люди, сидящие рядом, притворяются, что не замечают фотографа, который вот-вот нажмет на кнопку. Твоя мама, словно ниндзя, изворачивается, фотографируя вас, но Констанция все равно оказывается на первом плане. Светловолосая и полная надежд, такая добрая и до того невинная, что при ее виде к горлу подступает ком. Затем Эми, темноволосая и задумчивая, но в то же время душа компании, которая не может жить без смеха, шуток, дикой энергии, подколов и поддержки. В ее глазах всегда покой и доброта. Да, она тоже смотрит немного вверх.

А потом уже ты. Глядя на девушку на фото снова и снова, десятки, сотни раз, ты пытаешься понять, уловить эмоцию в ее глазах. Кто эта выпускница факультета маркетинга, дважды стажерка, девушка, которую в конце лета ждет престижная прибыльная должность специалиста инвестиционного банка? Ее уже не узнать: за последние четыре года она неимоверно изменилась, стала рассудительнее, возможно, мудрее. На смену девочке пришла женщина. И все же смотреть на нее просто невыносимо, потому что видишь ее прежнюю уязвимость, недостатки и стремление быть лучше. Ты третья среди своих подруг, та самая помешанная на порядке, которая постоянно решает вопросы, та, к которой всегда обращаются за помощью и советом. Цвет твоих волос — где-то посредине между светлыми локонами Констанции и угольной копной Эми. Ты — кость, когда они — хрящ, ты — гравитация, когда они — полет.

Одно мгновенье за все четыре года. Оно охватило все на свете. Через каких-то пару недель вы уже будете

в Европе — как говорят, колесить по земному шару, изучать исторические места и просто потрясать этот чертов мир, но сейчас, в этот самый момент, вы на пределе всего возможного и невозможного. Твоя мама видит и понимает это, но теперь ты смотришь на фото и не можешь не думать о том, что в тот самый миг ваши сердца бились в унисон и в каждой из вас было то чувство — чистое и бесконечное чувство, — что вы можете доверять друг другу до конца жизни.

Это последний миг перед тем, как в твоей жизни появится он, — миг, когда ты даже не можешь об этом догадываться. Конечно же, позже ты будешь думать, где же он был в тот самый момент, когда именно он решил подойти к тебе, и вспоминать, как мир остановился для вас двоих. Твоя жизнь больше никогда не будет прежней. Вся твоя жизнь до встречи с ним будет казаться сплошным ожиданием, зависшим в воздухе, а сама встреча — судьбой, счастьем и неизбежностью. Джек, твой Джек, твоя единственная большая любовь.

Часть первая

Амстердам

1

Вот в чем загвоздка: все это не приключилось бы, если бы поезд до Амстердама не был переполненным. Эта толкучка была невыносимой, каждый жаждал сделать хоть глоток свежего воздуха, каждый кипел от злости, и я, сев на свободное место, тут же опустила голову, пытаясь не смотреть по сторонам. Я читала *«И восходит солнце»*. Да, это традиция: выпускница колледжа читает Хемингуэя во время первого путешествия в Европу с подругами. Но мне было плевать. Немного ранее я уболтала Констанцию и Эми выпить по чашечке кофе с коньяком в парижской кофейне под названием «Два мага» и побывала в компании голубей в Люксембургском саду. Мне не хотелось покидать Париж. Не хотелось прощаться с широкими аллеями, народом, играющим в боулз в саду Тюильри, кофейнями, крепким кофе, смешными маленькими клаксонами на мопедах, картинами, музеями и масляными блинчиками. Не хотелось прощаться с ранними утрами, когда работники кофейен подметали брусчатку и поливали клумбы серебристой водой из черных шлангов, с вечерами, когда можно было учуять запах дыма и каштанов, а старички с длинными удочками сидели у воды

на треногих табуретах, время от времени забрасывая леску с наживкой в Сену. Я не хотела покидать книжные лавки на набережной, заплесневелые полки, уставленные старыми, пожелтевшими книгами, уличных художников, которые приходили к реке и рисовали маслом немыслимые пейзажи, которые никогда не смогут заменить те неопишуемые пейзажи. Не хотела забывать «Шекспира и компанию», английскую книжную лавку, далекое эхо Хемингуэя и Фитцджеральда, ночные купания в фонтане Риц и прищуренные глаза Джойса, проедающие твое сознание, как голодная мышка. Я не хотела расставаться с горгульями, с их удивительными каменными глазами, глядящими сверху вниз с кафедральных соборов, Нотр-Дама и сотни других церквей. На их белых лицах иногда виднелись таинственные черные прожилки, словно камень тоже может плакать.

Говорят, невозможно покинуть Париж — он сам уйдет из твоего сердца, если захочет.

Я же попыталась увезти Париж с собой. В Париже я читала *«Праздник, который всегда с тобой»*, *«Прощай, оружие!»* и *«Смерть после полудня»*. Все эти книги были на моем iPad — такая вот карманная библиотека Хемингуэя, — и, хотя я путешествовала с Констанцией и Эми, Хемингуэй тоже был со мной.

Так вот, я читала. Было уже достаточно поздно. Наши путешествия по Европе длились две с половиной недели. Впереди был Амстердам. Констанция уснула рядом со мной — она читала *«Жизнь святых»*, совершая собственное духовное путешествие, изучая все, что только связано со святыми, и любуясь каждой статуей, поставленной в их честь. У нее была особая страсть к теме своей диссертации — агиография. Эми протиснула голову в щель между нашими сиденьями и завела разговор с поляком по имени Виктор. От Виктора пахло сардинами, на нем была камуфляжная куртка, но Эми продолжала пихать меня в бок локтем каждый раз, когда он говорил что-то, на ее взгляд, милое. Ее голос